

Т.П. Буслакова

«Железная дорога» (1846)

Подзаголовок стихотворения («Посвящается детям») и обращения в тексте свидетельствуют, что лирический герой стремится ответить на вопрос эпитафия («Ваня...кто строил эту дорогу?»). Образ дороги, один из ключевых в поэме Гоголя «Мертвые души», у Некрасова имеет конкретное наполнение. Изображена недавно открывшаяся (1851) Николаевская железная дорога, постройкой которой руководил упомянутый в эпитафии Главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями граф П.А. Клейнмихель.

В стихотворении четыре части. Размер (в основном четырехстопный дактиль, строчки из трех стоп, заканчивающие некоторые четверостишия, как, например: ч. I, строка 4; ч. II, строки 1–4, 6–7, 9–10 и т. д., включающиеся в строфу — ч. I, строка 3; ч. II, строки 1, 2, 4 и др., — привлекают особое внимание к их содержанию) позволяет передать ритмический стук колес идущего поезда. В развитии действия пересекаются две сюжетные линии. Лирический герой, задетый словами «доброе папаша» — генерала («в пальто на красной подкладке»), стремится открыть его сыну правду. Во «сне удивительном» перед Ваней появляется толпа строителей дороги, которые сами повествуют о своей судьбе. Первая часть является экспозицией. Во второй и лирический герой, и тени прошлого утверждают творческую мощь «масс народных». В третьей — над этим выводом насмехается генерал, требуя обратиться к «светлой стороне». В завершающей, четвертой части возникает гротесковая картина награды за «труды роковые».

В первой части обрисован осенний пейзаж: все в природе бодрит, навеивает мысли о покое, и в то же время близок мороз, но листья еще не успели поблекнуть. Эпитеты подчеркивают во всех приметах русской осени («Всюду родимую Русь узнаю...») «здоровое, ядреное», свежее, ясное начало:

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит...

Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе!...

Эмоциональная характеристика думы лирического героя, резко контрастирующая с тем, насколько «все хорошо» в природе («Все хорошо под сиянием лунным...»), создается с помощью звукового символизма. В последнем четверостишии появляется ассонансный звук «у»:

Все хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

Так же как в стихотворении А.С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829), лексическое наполнение противоречит звуковому смыслу. В словах, имеющих «светлое» значение («лунным», «лечу», «родимую»), появляется унылый, угрюмый оттенок. Дума о «Руси» высвечивает («...позвольте при лунном сиянии...») скрытую, темную правду. Смысл антитезы «светлое-темное» проявляется в конце третьей части:

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.

Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону...

Лирический герой погружен в думу о русском народе, которому не выпадает настоящего светлых, радостных минут. Усиление мотива темноты его жизни происходит в связи с изображением «толпы мертвецов».

Во второй части, рассказывая Ване правду о дороге, повествователь вызывает тени тех, кто надрывался, мерз и мок, претерпевал страшные несчастья, чтобы ее построить. Появление теней изображено с пугающей осязательностью:

Чу! восклицанья послышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!

Реминисцентным источником этой картины является сцена танца «тихих теней» в балладе Жуковского «Людмила» (1808):

«Чу! в лесу потрясся лист.
Чу! в глуши раздался свист.
Слышат шорох тихих теней:
В час полуночных видений,
В дыме облака, толпой,
Прах оставя гробовой
С поздним месяца восходом,
Легким, светлым хороводом
В цепь воздушную свились...

По смыслу два близких в образном отношении эпизода («тени», «толпа», «ночь... лунная») полемичны. У Некрасова художественной целью становится стремление не только представить доказательства, в отличие от Жуковского, «ужасающей» правды, но пробудить совесть читателя:

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!..

«Божии ратники» сами открывают правду («Грабили... десятичники», «Секло начальство, давила нужда», «Жили в землянках», «болели цингой»), взывая к памяти потомков («Все ли нас, бедных, добром поминаете...»), появляется и подробный портрет одного из мужиков — изможденного, больного «белоруса», которому даже смерть не принесла освобождения:

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!

Нагнетание тяжелых впечатлений в продолжение этой самой объемной части стихотворения (18 четверостиший) разрешается неожиданно оптимистическим выводом. Показав, сколько бедствий «вынес... русский народ», лирический герой возвышает его способность победить саму судьбу:

Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет все, что Господь ни пошлет!

В этом контексте образ дороги приобретает обобщенное значение, а эпитет — оценочный смысл. В противоположность воле истории, проложившей перед мужиком страшную, трудную («Не по плечу одному!»), «грозную», «ужасную» — нечеловеческую (железную, «чугунную») дорогу, народ способен проложить свой, особый путь. Эту благородную работу всякий радеющий о благе «государства великого» должен «уважать», «благословить».

Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.

Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе.

Финал второй части является кульминационным моментом в развитии лирического сюжета. Устремленность в будущее («Я говорю не для вас, а для Вани...») с точки зрения обывателя смешна («Вы извините мне смех этот дерзкий...»). Неправота генерала («Но генерал возражать не давал...») выявляется не в споре, а с помощью пушкинской реминисценции. Перефразируя слова поэта из стихотворения «Поэт и толпа» (1828), некрасовский персонаж приписывает лирическому герою намерение «черни тупой»:

Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

У Пушкина:

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий,
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы все — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.

...

Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

Генерал, обвиняя «ваш народ» в том, что это «Варвары! дикое скопище пьяниц!..», демонстрирует незнание мужика и нежелание или неспособность понять его творческую роль в истории России, поэтому к нему не стоит и обращаться («Впрочем, Ванюшей заняться пора...»). Однако в полемику с Пушкиным вступает сам автор. Для него неприемлемы поэзия, содержание которой — «звучи сладкие и молитвы» («Поэт и толпа»), и роль поэта-жреца. Он готов «Давать... смелые уроки», броситься в битву ради народной «пользы».

Четвертую часть составляет бытовая зарисовка. Закончив работу, народ «должен остался» («Стали в копейку прогульные дни!»). Поверхностный, внешний взгляд на мужиков подтверждают мысли генерала о дикости и пьянстве простых людей. Обманутые подрядчиком, они «Крепко затылки чесали», «Махнули рукой», чувствуя себя неспособными разобраться в «книжке» («Может, и есть тут теперича лишку, / Да вот, поди ты!..»). Когда же купчина-подрядчик выставляет им «бочку... вина», они готовы вместо лошадей сами катить его коляску:

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком «ура» по дороге помчал...

На такой щемящей ноте заканчивается стихотворение. Вместо «пения дикого» и «восклицаний... грозных» «толпы мертвецов», являвшихся Ване во сне и прерванных «свистком оглушительным» Реальности, слышны «отрадные» песни и крики. В то же время та правда, которая была рассказана в чудесном видении, смолкает. Глубинные чаяния народа может выразить только лирический герой. Картина оживших теней является реализованной метафорой. Поэт, чье сознание вобрало особенности народного мировосприятия, но осталось взглядом образованного, способного к обобщениям интеллигента, способен зримо «правду... показать», воскресить («к жизни воззвать») умолкнувшие голоса, забытые страдания строителей дороги.

Образ дороги является сквозным в стихотворении. Вбирая разные смысловые оттенки (Николаевская железная дорога, исторический путь русского народа), образ приобретает символический смысл, продолжая тематику лирических отступлений «Мертвых душ» (гл. XI). Как и у Гоголя, путь начинается в ясные осенние дни («ясный день, осенние листья, холодный воздух...»), вызывая у автора размышления о «родимой Руси». Если в гоголевской поэме в дороге зародились «чудные замыслы, поэтические грезы», то для Некрасова важна жизненная правда. Подобно гоголевскому герою, автор стихотворения полагает, что в общем миропорядке «Все хорошо» (в «Мертвых душах»: «Боже! как ты хороша подчас, далекая, далекая дорога!»), ожидает «поры прекрасной» впереди. Но основной акцент делается им на бытовой конкретике, привлекая внимание к каждому строителю вековой» дороги. Достоверной и обоснованной благодаря этому предстает его уверенность в том, что не только в природе, но и в жизни дорога станет ясной («...и широкую, ясную / Грудью дорогу проложит себе»).